

Научная статья
УДК 008; 83.3(2Рос=Рус)6
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-119
EDN RACMWD

Автомиф Корнея Чуковского: жизненные и творческие стратегии

Татьяна Геннадьевна Шеметова

Доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы,
Университетская гимназия МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва
shemetovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3342-8508>

Аннотация. В статье предлагается анализ формирования биографического мифа Корнея Чуковского в его дневниках и мемуарах. Внутренняя стратегия – быть всегда «против всех», которой придерживался Чуковский вопреки своей репутации конформиста, мягкого и неконфликтного человека, стала «порождающей моделью» его биографии. Биографический миф Чуковского строится на оппозиции благостного «дедушки Корнея» и беспощадного «белого волка», который может больно «кукусить» оппонента. Это автомиф, по которому строились жизнь и творчество писателя. Данная стратегия наиболее полно проявила себя в неопубликованном при жизни «Дневнике», где автор выражает бескомпромиссную позицию по многим личным, общественно-политическим и культурным вопросам. На примере трёх очерков из книги мемуаров «Современники» мы рассмотрели принципы мифологизации, последовательно использовавшиеся Чуковским в отношении значимых для него людей и событий. Важнейшими мифологемами являются образы И. Репина как «духовного отца», А. Блока как «живого гения», В. Маяковского как «провозвестника революции» и Куоккала как «духовной родины» писателя. В этой системе координат мифологизированные образы героев воспоминаний играют роль важных культурных ориентиров, по-разному повлиявших на самопрезентацию писателя. Чуковский как «литературный человек», разрабатывал свой собственный образ в соответствии с «порождающими моделями» авторитетных для него деятелей культуры. Герои воспоминаний (Репин, Блок, Маяковский и др.) позволяют понять пути, по которым Чуковский осуществлял мифологизацию собственного образа.

Ключевые слова: Корней Чуковский; биографический миф; автомиф; Илья Репин; Владимир Маяковский; Александр Блок; Куоккала

Для цитирования: Шеметова Т. Г. Автомиф Корнея Чуковского: жизненные и творческие стратегии // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 119-129. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-119>. <https://elibrary.ru/RACMWD>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Korney Chukovsky's automyth: lifetime and creative strategies

Tatiana G. Shemetova

Doctor of philology, associate professor, department of foreign literature, Grammar school at Lomonosov Moscow State University, Moscow
shemetovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3342-8508>

Abstract. The article analyzes the shaping of Korney Chukovsky's biographical myth in his diaries and memoirs. Chukovsky's inner strategy of always being “against everyone”, despite his reputation as a conformist, soft and non-conflicting person, became the “generating model” of his biography. Chukovsky's biographical myth is built on the opposition of the benevolent “Grandpa Korney” and the ruthless “white wolf” who can “bite” his opponent badly. This is an automyth, along which the writer's life and work were built. This strategy manifested itself most fully in the “Diary”, unpublished during his lifetime, where the author expresses an uncompromising position on many personal, socio-political and cultural issues. Taking three essays from the book of memoirs “Contemporaries” as an example, the author shows the principles of mythologization consistently used by Chukovsky in relation to people and events significant for him. The most important mythologemes are the images of Ilya Repin as a “spiritual father”, A. Blok as a “living genius”, V. Mayakovsky as a “herald of revolution” and Kuokkala as the writer's “spiritual homeland”. In this system of coordinates, the mythologized images of the heroes in the memoirs play the role of important cultural reference points that influenced the writer's self-presentation in different ways. Chukovsky, as a “literary man”, was developing his own image in accordance with the “generating models” of authoritative cultural figures. The characters of the memoirs (Repin, Blok, Mayakovsky, etc.) help to understand the ways in which Chukovsky mythologized his own image.

Key words: Korney Chukovsky; biographical myth; automyth; Ilya Repin; Vladimir Mayakovsky; Alexander Blok; Kuokkala

For citation: Shemetova T. G. Korney Chukovsky's automyth: lifetime and creative strategies. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 119-129. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-119>. <https://elibrary.ru/RACMWD>.

Введение

В 2023 г. исполнилось сто лет со дня выхода в печать двух знаменитых детских сказок Корнея Чуковского –

«Мойдодыр» и «Тараканище». Имя писателя прочно вошло в культурный код советского и постсоветского человека, в том числе благодаря тому, что в

текстах, написанных в писательском поселке Переделкино, он «виртуозно вписывает образ «дедушки Корнея» в мифологему «счастливого детства» [Шеметова, 2022, с. 69]. В 2022 г. именно он стал самым издаваемым автором в сегменте детской литературы, обогнав всех российских и зарубежных коллег. Его жизненный путь – от незаконнорожденного, социально ущемленного разночинца Николая Конейчукова до увенчанного лаврами советского писателя Корнея Чуковского – вызывает особый интерес у современных исследователей [Карлова, 1988; Кубайдулова, 2016; Шеметова, 2024]. Рассмотрим жизненную и творческую стратегию писателя, который называл своей «духовной родиной» не город Санкт-Петербург, где он родился, и не Одессу, где вырос, а дачный посёлок Куоккала, где в общении с интеллектуально близкими людьми началась его жизнь как профессионального литератора, а затем – выдающегося литературного критика серебряного века. После революции и Гражданской войны аналогом этого «потерянного рая» становится дачный писательский поселок Переделкино.

Методы исследования

Методологическую основу нашего исследования составили научные труды, проблематика которых связана с изучением сущности современного культурного мифа. Наличие мифологического компонента даже в самом объективном научном исследовании точно выражено в словах А. А. Потебни: «Как мифы принимают в себя научные положения, так наука не изгоняет ни поэзии, ни веры, а существует рядом с ними, хотя ведет с ними споры о границах» [Потебня, 1989, с. 182]. Тем не менее разграничение мифотворчества, основанного на

абсолютной вере, и мифологизации как сознательного процесса остается важной задачей для исследователя. Рассмотрение и анализ автобиографических мифологем в жизненной и творческой стратегиях Корнея Чуковского базировалось не только на трудах А. А. Потебни, где он выявляет проблему субъекта мифотворчества [Потебня, 1989], но и на исследовании А. Ф. Лосева, пишущего о мифологизме любой личности [Лосев, 2007]. Исследование не могло бы состояться без учёта опыта исследования писательских стратегий, воплощенного в книге Ю. М. Лотмана «Литературная биография в историко-литературном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)» [Лотман, 1992].

Результаты исследования

Отрывки из «Дневника» Корнея Чуковского начали публиковаться в 1990-е годы: сначала в журналах «Огонек» и «Новый мир», затем двухтомным изданием с некоторыми купюрами; наконец, в 2000-е годы выходит полный трехтомный текст, составленный и подготовленный внучкой писателя Е. Ц. Чуковской. В «Дневнике» находим признание в чувстве неполноценности, которое незаконнорожденный разночинец Николай Конейчуков, не смеявший назвать в обществе имя и фамилию своего отца, пронес через всю жизнь. Он должен был стать Николаем Левенсоном, если бы отец его признал, но брак интеллигента и крестьянки был в то время исключительным явлением. Уже став основоположником детской литературы, влиятельным критиком, ярким мемуаристом и авторитетным переводчиком, он записал: «Помню, как клоунски я просил даже при первом знакомстве – уже уса- тый – “зовите меня просто Колей”, “а я

Коля» и т. д. Это казалось шутовством, но это была боль. И отсюда завелась привычка мешать боль, шутовство и ложь – никогда не показывать людям себя – отсюда, отсюда пошло все остальное» [Чуковский, 1991, с. 62]. Вынужденный мимикрировать под стиль советской эпохи, Чуковский лишь в дневнике может отстраниться от сковывающей его роли детского писателя и вернуться к бескомпромиссному образу критика. Неслучайно знавший его в первые годы после революции Е. Шварц в одноименной статье метафорически назвал писателя «белым волком» [Шварц, 1989].

До революции Чуковский прославился как критик, блестяще остроумный, но беспощадный даже к безусловным авторитетам, умевший проникать в законы текста и понимать творческую психологию автора. Эти приёмы он использовал в сборнике мемуарных очерков «Современники: портреты и этюды» (1962). В основу сборника положен принцип бинарных оппозиций: Чуковский рисует портрет современника, а затем выворачивает его наизнанку, нарушая читательские ожидания. Среди прочих в книгу вошли мемуарные очерки о художнике И. Репине, поэтах А. Блоке и В. Маяковском, с которыми Чуковский близко общался во время своей дореволюционной жизни в Куоккале. Финский дачный городок Куоккала – предтеча писательских поселков: ленинградского Комарова и подмосковного Переделкина, поэтому для нашего исследования важно, как в текстах Чуковского зарождался образ местности, которая становится символом творчества, «местом силы» и притяжения для многих видных деятелей культуры серебряного века.

Мы выбрали три очерка из книги Чуковского «Современники», в которых наиболее явно видна связь «гениев» с «местом», которые повествуют о Репине, Блоке и Маяковском. В упомянутом выше очерке Е. Шварца «Белый волк» сказано, что эти три деятеля культуры были неприкосновенны для язвительной критики Чуковского, он уважал их настолько, что не сказал бы о них плохого, даже при благоприятных обстоятельствах [Шварц, 1989]. Тем не менее обратим внимание на то, как по-разному относится мемуарист к трём личностям, мифологизированным в русской культуре XX века. С Репиным он юнец-литератор, с Маяковским – маститый критик, с Блоком – трепетный поклонник.

Начнем с того, что Чуковский подал идею Репину написать книгу воспоминаний и по собственной инициативе стал его помощником и редактором. Характеризуя стиль Репина в книге воспоминаний «Далекое близкое», Чуковский отмечает «драматизацию» событий: любая бытовая сцена выглядит у художника ярко и контрастно. Надо отметить, что свои мемуары о Репине он строит по сходным принципам: это своеобразный роман, состоящий из девяти глав с заключением.

Вступление «микроромана» о Репине построено по законам художественности: присутствуют инверсии, лирические повторы, литоты и гиперболы. Вместе с тем в беллетризованную биографию Репина Чуковский вписывает автобиографический миф: рисует свою дачу с башенкой в Куоккале, куда приходит незнакомый человек, которого он поначалу принимает за посыльного, для передачи письма от знакомого [Чуковский, 2008]. Башенка с разноцветными стеклами и крутой лестницей, располагавшаяся в поселке

с непривычным для русского слуха названием, выглядит как сказочное место и подготавливает появление скромного «посыльного», который станет «волшебным спутником» героя и осветит всю его жизнь, как бы заменив отсутствующего отца.

Добродушный Репин из скромности забирается по крутой лестнице дачи Чуковского и передает записку от одного молодого писателя другому. Образ именитого художника строится на мифологических оппозициях. С одной стороны, мемуарист рисует застенчивого старика небольшого роста с обветренным лицом; с другой – Репин – титан, человек-событие, картинами которого увешаны залы Третьяковской галереи и Русского музея в имперском Санкт-Петербурге. Это знакомство – один значительнейших моментов в личном мифе Чуковского. Данную антитезу Чуковский закрепляет на уровне композиции, дважды повторив эпитет «великий» в названии первой главки («Великая любовь. – Великий гнев») и озаглавив вторую нарочито приземленно – «Репин в быту».

Наряду с беллетризацией главного героя-художника в тексте происходит мифологизация Куоккала как его места жительства. Из провинциального поселка, затерянного в финских дюнах, благодаря великому художнику и его знаменитым гостям, Куоккала превращается в образ новой «культурной столицы». Рассмотрим, как протекал процесс перехода из одного психологического состояния в другое. Сначала этот переход осуществляется на уровне пейзажа: летняя Куоккала роскошна и многолюдна, зимняя провинциальна и пуста. Как видим, описание Куоккалы с самого начала строится на антитезах (столица/пустыня, праздничная/хмурая), как и описание её гения

места – Репина («историческая личность»/ «простой человек»). Это бинарные оппозиции, лежащие в основе любого мифа.

Немаловажную роль играет главка «Репин в “Чукоккале”». В ней Чуковский знакомит читателя с одним из своих любимых детищ – рукописным альманахом «Чукоккала» (1914–1969) с автографами знаменитых писателей, иллюстрированными рисунками выдающихся художников своего времени. Название книги возникло из первых четырех букв псевдонима Чуковского, конец слова заимствован из названия местности, где он жил (дачный поселок Куоккала). Деятели искусства предстают в «Чукоккале» в необычных для себя юмористических амплуа. Например, «трагический тенор эпохи», как назвала Блока Ахматова, пишет комические стихи. К «больной, тихой Кассандре», как именовал Ахматову Мандельштам, последний приходит «наохотаться на весь месяц вперед» [Чукоккала, 1999, с. 59].

В ходе повествования «Чукоккала» из названия клеенчатой тетради превращается в наименование всего дома Чуковского, куда известные деятели культуры серебряного века приходят по воскресеньям, в то время как к Репину в «Пеннаты» – по средам. Благодаря этому хронотопу художник и писатель уравниваются в глазах читателя: теперь это не робкий юноша и великий художник, а два представителя творческой интеллигенции. Причем в ходе повествования духовный центр Куоккалы незаметно смещается из «Пеннатов» Ильи Ефимовича в «Чукоккалу» Корнея Ивановича. От коллоквиального восхищения мемуарист переходит к критике: например, упоминает о грубых фактических и

речевых ошибках Репина [Чуковский, 2008].

Композиция «микроромана» о Репине закольцовывается автомифом Чуковского: деревянный домишко с разбитыми стеклами обернулся «Чукоккалой» – жилищем известного литератора. Бедный нелепый «Коля» превратился сначала в «Корнея», а затем обрел фиктивное отчество – Иванович и благозвучную фамилию Чуковский. Одна из поклонниц критика предлагала считать имя писателя формой глагола: «Повелительное наклонение: «Корней!» заменяет старинный афоризм Козьмы Пруткина: «Смотри в корень!» [Чукоккала, 1999, с. 122]. В свое время И. Бродский писал о псевдониме Анны Ахматовой как о ее первой поэтической удаче [Бродский, 1989]. В какой-то степени, это высказывание можно отнести и к псевдониму Чуковского: в нем, как и в имени вымышленного писателя Козьмы Пруткина, содержится юмор и мистификация. Глагол «корней» можно продолжить рядами однородных членов (веселей, молодей и т. д.) – такое имя очень подходит остроумцу на язык литературному критику. Отчество образовано от самого распространенного русского имени. Фамилия на «-ский» апеллирует к классикам, от Белинского до Островского и Достоевского. Напомним, что настоящее имя писателя – Николай Эммануилович Корнейчук. Выбор псевдонима, ставшего после революции его настоящим именем, отчеством и фамилией [Лукьянова, 2007], свидетельствует о неординарной интуиции писателя и творческой работе над автомифом.

В свете тщательной заботы о создании своего «нового имени» мемуарист с изумлением рассуждает о репинском пренебрежении собственной славой.

Для пущего контраста, наряду с интеллигентской скромностью, Чуковский выделяет в образе Репина «титаническую гордость» – скрытое от посторонних понимание своего значения в русской культуре. Чуковский формулирует «алгоритм счастья» по Репину: совмещать строгость к себе и влюбленность в дело жизни, демократичность в быту и роскошь общения с лучшими людьми своего времени. Эта формула – главное «репинское наследство», которое Чуковский заберет с собой из Чукоккалы в другой писательский дачный поселок – Переделкино – вместе с рукописной «Чукоккалой», в которой собраны автографы лучших деятелей серебряного века.

Недалеко от «Пеннатов» Репина и «Чукоккалы» Чуковского располагались другие части дачной приморской местности – Озерки и Сестрорецк, куда критик часто плавал по заливу на собственной лодке. Они связаны в воспоминаниях Чуковского с именем и поэзией А. Блока [Блок в архиве Чуковского, 1987]. Мемуарист вспоминает шлагбаумы Финляндской железной дороги, за которыми было видно болото с прорытыми в нем канавами. Эти воспоминания превращают Чуковского едва ли не в героя одного из наиболее мифогенных произведений Блока – знаменитой «Незнакомки»: «И каждый вечер, за шлагбаумами, /Заламывая котелки, /Среди канав гуляют с дамами/Испытанные остряки» [Блок, 1997].

Одним из этих «испытанных остряков» вполне мог быть молодой популярный критик Чуковский, известный своей язвительностью. Как бы глазами «заламывающих котелки» богемных знакомых поэта Чуковский видит Сестрорецкий курорт с рестораном у самого берега и моторную лодку. В ней «неотразимо, неправдоподобно краси-

вый, в широкой артистической шляпе, загорелый и стройный Блок» катается по Финскому заливу со своими друзьями. По законам мифологизации, которым четко следует Чуковский в беллетризованных воспоминаниях, портрет красавца Блока, находящегося в полной гармонии с природой и окружающими людьми, должен обернуться своей противоположностью. И действительно, после этого описания особенно контрастно звучат приведенные на той же странице гневные строки, которые были написаны поэтом под впечатлением поездки: «Что сделали из берега морского/ Гуляющие модницы и франты? /Наставили столов, дымят, жуют, /Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу, /Угрюмо хохоча и заражая/ Солёный воздух сплетнями» [Чуковский, 2013, с. 153].

Налицо мифологическая оппозиция: счастье, красота, радость существования/ «угрюмство», заражённый сплетнями солёный воздух. Где Блок настоящий? Какова цель Чуковского? Не хочет ли он вызвать недоверие читателя к искренности блоковской поэзии? Посеяв эту тень сомнения, мемуарист сразу берет Блока «под защиту» и объясняет, что победоносно счастливый вид Блока на Сестрорецком курорте объясняется поверхностным взглядом восхищенного поклонника, каким он тогда смотрел на своего кумира. Далее Чуковский подробно рассказывает о частых встречах с Александром Александровичем в Сестрорецке и Озерках – именно тех местах, которые поэт увековечил в знаменитых стихотворениях «Незнакомка» и «Над озером».

После революции, как пишет Чуковский в воспоминаниях, он вновь сблизился с поэтом во время совместной редакторской и организационной работы в издательстве «Всемирная ли-

тература». Блок, по его собственным словам, «из-за отсутствия воздуха» практически перестал писать стихи. Равнодушный к себе, отстраненный от людей, Блок опять вступает в оппозицию к Блоку – участнику «Чукоккалы», пишущему комические стихи. В мемуарах Чуковский рисует образ великого поэта, заливающегося мальчишеским смехом, и этой оппозицией закрепляет мифогенный образ «живого гения» [Чуковский, 1991].

Очерк о Маяковском, напротив, интересен тем, что в нём Чуковский принимает на себя роль знаменитого критика, привыкшего к заискиванию неизвестных поэтов, а поэту отводит роль молодого грубияна: «Он слушал меня не дольше минуты, отнюдь не с тем интересом, с каким слушают “влиятельных критиков” юные авторы» [Чуковский, 2012, с. 231]. Маяковский не захотел играть роль младшего, несмотря на одиннадцатилетнюю разницу в возрасте и значительно меньшую в то время известность. Более того, он взял авторитетный тон и заставил знаменитого критика и влиятельного переводчика почувствовать себя «подсудимым». В ходе этой беседы, по словам Чуковского, юный футурист оказался тонким знатоком поэзии Уитмена, подсказал профессионалу более точное слово для перевода: грубое «мясо» вместо интеллигентского «плоть», чем вызвал восторг мемуариста [Чуковский, 2012, с. 232].

Ю. Карабчиевский в своей книге «Воскресение Маяковского» подверг резкой критике жизненный выбор и художественный метод «первого поэта революции» и высказал сомнение относительно искренности Чуковского в очерке, посвященном ему. В частности, лукавство Чуковского он увидел в пересказанном выше диалоге о «мясе»:

«Корней Иванович, большой писатель, серьезный человек, сообщает нам, что в подлиннике было “мясо”, а не “плоть”, прекрасно зная (уж тут – никаких сомнений!), что в английском языке не существует двух разных слов для обозначения этих понятий! Есть одно слово: *flesh* – мясо, оно же плоть» [Карабчиевский, 1985, с. 78]. Зачем же Чуковский «обманывает» читателя? Карабчиевский полагает, что всему виной – сам поэт, последовательно создавший «систему лжи» из собственной поэзии и жизни. По его мнению, любой человек, взявшийся «читать о Маяковском, не ждал от автора никакой правды, а ждал очередной занятой легенды и заранее обещал не замечать противоречий» [Карабчиевский, 1985, с. 78].

Необходимость «занятой легенды» о поэте Карабчиевский приписывает «эманации личности» Маяковского, тем самым демонизируя её. Наша позиция состоит в том, что создание автомифа и мифологизация значимых событий и личностей – часть любой творческой деятельности, особенно поэтической. Биографический миф Чуковского о юном поэте строится на оппозициях: бедность/величавость, грубость/проницательность. Далее Чуковский описывает продолжившееся общение. Маяковский приезжает в Куоккалу, бывает на даче у влиятельного критика.

Описание дачи Чуковского в этом очерке довольно обыденно, без фиксации внимания на разноцветном остеклении и сказочной башенке. Исключением из «небрежного», но важного для автора описания является упоминание о соседстве с великим Репиным. Чуковский уже в другом статусе и образе, он чувствует свою значимость и состоятельность. Это человек, портрет которого в 1910 году написал сам Репин.

Его гонорары таковы, что он может арендовать дом рядом с великим художником, который так полюбил писателя, что предлагал выкупить арендованную им дачу на свои деньги. При этом он демократичен и общается с молодыми поэтами.

Маяковский же не только не имеет своего дома, но и ходит обедать и ужинать к своим более состоятельным знакомым, а стихи записывает на папиросных коробках. Это образ неудачника. Как можно скорректировать образ нищего грубияна с замашками вельможи? Надо нарисовать архетипическую картинку «поэт и море»: «Куоккала – на берегу Финского залива – песчаная, суровая, обильная соснами местность. Там, на пляже, торчат из воды валуны. Порою их совсем прикрывает волна, порою, когда море отхлынет, они лежат на песке неровной и длинной грядой. По этим-то камням и зашагал Маяковский, бормоча какие-то слова» [Чуковский, 2012, с. 237].

«Какие-то слова» – это будущая поэма «Облако в штанах». Маяковский, почти как сказочный Черномор, шагает по воде. Буря, как атрибут романтического героя очень к лицу и «по росту» Маяковскому, который превращается в великана на наших глазах: «Иногда он останавливался, закуривал папиросу, иногда пускался вскачь, с камня на камень, словно подхваченный бурей, но чаще всего шагал, как лунатик, неторопливой походкой, широко расставляя огромные ноги в “американских” ботинках и ни на миг не переставая вести сам с собою сосредоточенный и тихий разговор» [Чуковский, 2012].

Чуковский и сам был немаленького роста. Знаменитый певец Леонид Утёсов, знакомый Чуковского по Переделкину, сравнивал писателя с «высокой, красивой башней с серебристым купо-

лом», а он его в ответ называл «Утёсиком» [Воспоминания о Корнее Чуковском, 1977, с. 81]. Маяковский не должен был казаться Чуковскому особенно огромным. Тем не менее на этом этапе создания биографического мифа мемуаристу необходимо было противопоставить поэта обычным людям: «Пляж был малолюдный. Впрочем, люди и не мешали Маяковскому: он взглядывал на них лишь тогда, когда потухала его папироса и нужно было найти, у кого прикурить. Однажды он кинулся с потухшей папиросой к какому-то финну-крестьянину, стоявшему неподалеку на взгорье. Тот в испуге пустился бежать» [Чуковский, 2012, с. 237]. Образ чудовищного великана, бормочущего под нос непонятные слова, вскоре будет «уравновешен» образом знатока поэзии, который при случае может прочитать наизусть книгу стихов Блока или Ахматовой, да еще в том порядке, в котором они были напечатаны.

Резюмируя, можно сказать, что Чуковский в дневниках и беллетризованных мемуарах последовательно фиксирует конфликтные, неканонические стороны изображаемых характеров, выстраивая параллели между собой и другими выдающимися представителями русской культуры. Провоцируя и мистифицируя читателя, мемуарист добивается нового уровня постижения своей и чужой индивидуальностей. Становится понятно, почему в очерке его современника Евгения Шварца тридцативосьмилетний Чуковский

назван «белым волком» – беспощадным к себе и другим человеком [Шварц, 1989]. Симптоматично, что семидесяти-трехлетний Чуковский низко оценил прочитанный им в рукописи роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», но при этом восторженно отзывался о его стихах и был единственным, кто осмелился поздравить опального писателя с Нобелевской премией и продолжить общаться с ним. Крайне скептически отнесся к стихам, которые читал ему в Переделкине молодой Бродский, но был одним из немногих, кто подписал письмо с просьбой о его освобождении из ссылки.

Заключение

Таким образом, биографический миф Чуковского строится на оппозициях переделкинского благостного «дедушки Корнея» («высокой башни с красивым серебристым куполом», по выражению Л. Утёсова) и беспощадного критика («белого волка», который может больно «укусить» оппонента, согласно развёрнутой метафоре в одноименном очерке Е. Шварца). В этой системе координат Куоккала играет роль «духовной родины», а образы Репина, Блока и Маяковского – важных культурных ориентиров, своеобразных «пророков» – по-разному повлиявших на мировоззрение писателя. Считавшая утраченной, возникшая из небытия рукописная «Чукоккала» – символ реализованного дара, спасенной в жестоких условиях XX века русской культуры.

Библиографический список

1. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Том II. Москва : Наука, 1997. 894 с.
2. Блок в архиве Чуковского / публ. и примеч. Чуковской Е. Ц. // Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. Москва : Наука, 1987. С. 307–321.
3. Бродский И. А. Скорбная Муза / Пер. А. Колотова // Юность. 1989. № 6. С. 65–68.

4. Воспоминания о Корнее Чуковском. Москва : Советский писатель, 1977. 116 с.
5. Карабчиевский Ю. А. Воскресение Маяковского. Мюнхен : Страна и мир, 1985. 286 с.
6. Карлова Т. С. К. Чуковский – журналист и литературный критик. Казань, 1988. 144 с.
7. Кубайдулова А. Ю. Эскизы к литературным портретам в структуре дневника К. И. Чуковского // Филология и культура. Philology and culture. 2016. № 4 (46). С. 222-226.
8. Лосев А. Диалектика мифа. Москва : Академический проект, 2008. 303 с.
9. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-литературном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман, Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин : Александра, 1992. С. 365-376.
10. Лукьянова И. В. Корней Чуковский. (Жизнь замечательных людей). 2-е изд., испр. и доп. Москва : Молодая гвардия, 2007. 991 с.
11. Потебня А. А. Слово и миф. Москва : Правда, 1989. 627 с.
12. Репин И. Далекое близкое. Москва : Азбука, 2023. 528 с.
13. Чуковский К. И. Дневник. В 2 т. Т. 1: 1901–1929. Москва : Советский писатель, 1991. 583 с.
14. Чуковский К. И. Современники. (Жизнь замечательных людей). Москва : Молодая гвардия, 2008. 656 с.
15. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Москва : Агентство ФТМ, Лтд., 2012. 480 с.
16. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. Москва : Премьера, 1999. 400 с.
17. Шварц Е. Белый волк // Вопросы литературы. 1989. №1. С. 186-202.
18. Шеметова Т. Г. Литературные мифы // Лукичев А. Н., Шеметова Т. Г. Переделкино: история и мифы писательского городка. Вологда : Полиграф-Периодика, 2022. 215 с.
19. Шеметова Т. Г. Переделкино vs Комарово: писатели и литературные мифы. Москва : Издательские решения, 2024. 268 с.

Reference list

1. Blok A. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 20-ti tomah.= Complete collection of works and letters in 20 volumes. Tom II. Moskva : Nauka, 1997. 894 s.
2. Blok v arhive Chukovskogo = Blok in Chukovsky's archive / publ. i primech. Chukovskoj E. S. // Literaturnoe nasledstvo. T. 92, kn. 4. Moskva : Nauka, 1987. S. 307–321.
3. Brodskij I. A. Skorbnaja Muza = The sorrowful muse / Per. A. Kolotova // Junost'. 1989. № 6. S. 65–68.
4. Vospominanija o Kornee Chukovskom = Memories of Korney Chukovsky. Moskva : Sovetskij pisatel', 1977. 116 s.
5. Karabchievskij Ju. A. Voskresenie Majakovskogo = Mayakovsky's resurrection. Moskva : NC JeNAS, 2008. 320 s.
6. Karlova T. S. K. Chukovskij – zhurnalist i literaturnyj kriti = Chukovsky as a journalist and a literary critic. Kazan', 1988. 144 s.

7. Kubajdulova A. Ju. Jeskizy k literaturnym portretam v strukture dnevnika K. I. Chukovskogo = Sketches to literary portraits in the structure of K. I. Chukovsky's diary // *Filologija i kul'tura. Philology and culture.* 2016. №4 (46). S. 222–226.
8. Losev A. *Dialektika mifa = The dialectics of myth.* Moskva : Akademicheskij proekt, 2008. 303 s.
9. Lotman Ju. M. *Literaturnaja biografija v istoriko-literaturnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniju teksta i lichnosti avtora) = Literary biography in the historical literary context (Toward a typological correlation between the text and the author's personality)* // Lotman, Ju. M. *Izbrannye stat'i: V 3 t. T.1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury.* Tallin : Aleksandra, 1992. S. 365–376.
10. Luk'janova I. V. *Kornej Chukovskij. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej) = Kornej Chukovsky. (The life of remarkable people).* 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Molodaja gvardija, 2007. 991 s.
11. Potebnja A. A. *Slovo i mif = Word and myth.* Moskva : Pravda, 1989. 627 s.
12. Repin I. *Dalekoe blizkoe = Far near.* Moskva : Azbuka, 2023. 528 s.
13. Chukovskij K. I. *Dnevnik. V 2 t. T. 1: 1901–1929 = Diary.* In 2 vols. Vol. 1: 1901-1929. Moskva : Sovetskij pisatel', 1991. 583 s.
14. Chukovskij K. I. *Sovremenniki = Contemporaries.* Moskva : Molodaja gvardija, 2008. 656 s. (*Zhizn' zamechatel'nyh ljudej*).
15. Chukovskij K. I. *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 5: Sovremenniki; Prilozhenie = Collected works: In 15 vols. Vol.5: Contemporaries; Supplement / sost., komment. E. Chukovskoj.* 2-e izd., jelektronnoe, ispr. Moskva : Agentstvo FTM, Ltd., 2012.
16. Chukokkala. *Rukopisnyj al'manah Korneja Chukovskogo = Chukokkala. Kornei Chukovsky's handwritten almanac.* Moskva : Prem'era, 1999. 400 s.
17. Shvarc E. *Belyj volk = The white wolf // Voprosy literatury.* 1989. №1. S. 186–202.
18. Shemetova T. G. *Literaturnye mify = Literary myths // Lukichev A. N., Shemetova T. G. Peredelkino: istorija i mify pisatel'skogo gorodka. Vologda : Poligraf-Periodika, 2022. 215 s.*
19. Shemetova T. G. *Peredelkino vs Komarovo: pisateli i literaturnye mify = Peredelkino vs Komarovo: writers and literary myths.* Moskva : Izdatel'skie reshenija, 2024. 268 s.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.
The article was submitted on 17.09.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024